

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ ПРАВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

© 2017 г. Александр Васильевич Малько²,
Василий Владиславович Трофимов³

В статье в порядке постановки проблемы рассматривается правовая жизнь общества как новая предельно широкая юридическая категория. Подчеркивается, что именно правовая жизнь на современном уровне развития юридической науки выступает объектом общей теории права, что обосновывается целым рядом аргументов.

In article as statement of a problem legal life of society as new extremely broad legal category is considered. It is emphasized that legal life at a modern level of development of jurisprudence acts as object of the general theory of the right that locates by a number of arguments.

Ключевые слова: правовая жизнь общества, правовая система общества, объект общей теории права, методология юридической науки.

Key words: legal life of society, legal system of society, object of the General theory of the Law, jurisprudence methodology.

Известно, что ключевым идентифицирующим признаком любой отрасли научного знания выступает предмет, который, дополняемый “методом”, позволяет вычлени из всего массива знания (естественнонаучного, гуманитарного) соответствующий компонент в виде научного направления (в той или иной мере обобщающего или специального), придавая науке свою состоятельность и определенный статус. Именно предметное поле служит основанием для дальнейшей дифференциации науки на внутренние структурные блоки и проч. Предмет, как правило, связан с выявлением закономерностей и существенных свойств изучаемых данной конкретной наукой явлений, устанавливая которые, она ощущает свою значимость, способствуя приращению знаний, увеличению объема необходимой для дальнейшего развития теории предмета

доктринальной информации или важной в качестве прилагаемой к практическим нуждам и интересам. Казалось бы, все довольно понятно и объяснимо. Но это только на первый взгляд. Если на начальном этапе освоения предметной области исходного материала для анализа бывает достаточно, а его переработка научным сознанием венчается определенными эвристическими результатами, то со временем материал либо исчерпывается (как и любой источник – иссякает), и возникают те или иные кризисные явления как в самой теории, так и на практике, для которой данная теория предмета уже не может предложить востребованный продукт в виде обоснованных представлений и проч., либо подход, который проявляет исследователь по отношению к изучаемому объекту (модель познания), не позволяет видеть в объекте то, что в нем реально скрывается. И тогда данная конкретная наука начинает испытывать некоторые комплексы от своей неэффективности, волей-неволей начинает выходить за пределы своего предмета, испытывая дефицит материала для познания, стараясь преодолеть возникший кризис. Кроме того, традиционные методы (ранее возможно и дававшие определенный эффект) также не срабатывают – их либо недостаточно, либо они проявляют свою неэффективность на фоне тех трансформаций, которые происходят в предметной области.

В чем здесь может быть причина? Таковая, думается, не столько онтологическая (т.е. связанная непосредственно с самим бытием в широком своем понимании), поскольку окружающая реальность всегда изменчива и всегда может предложить богатый материал для анализа, сколько

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. “Социально-интерактивные закономерности права: проблемы методологии и теории”, проект № 15-03-00238.

The study was performed with financial support of Russian humanitarian scientific Fund. “Socio-interactive patterns of law: problems of methodology and theory”, project No. 15–03–00238.

² Директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (E-mail: i_gp@ssla.ru).

Alexander Malko, Director of the Saratov branch of the Institute of state and law of RAS, Doctor of Law, Professor, honored scientist of the Russian Federation (E-mail: i_gp@ssla.ru).

³ Профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, доктор юридических наук, доцент (E-mail: iptgutv@mail.ru).

Vasily Trofimov, professor of the department of Civil Law of Tambov state University named of G. R. Derzhavin, Doctor of Law, associate Professor (E-mail: iptgutv@mail.ru).

логико-гносеологическая (лучше сказать – эпистемологическая⁴), связанная с выбором самих познавательных ориентиров, характеризуемая тем, какой взгляд на познаваемый мир избирает сам исследователь: либо он зашоривает таковой, утрируя мир и сводя его к одному или максимум двум “измерениям”, выстраивая для познания некоторые формализованные схемы и процедуры, которые со временем консервируются и оказываются уже неспособными к динамическому обновлению, либо субъект познания изначально ориентируется на мир во всем его многообразии, т.е. на тот *объект*, который охватывается исследовательским взором со всех сторон и по всем уровням (рассматривается в трех, а то и в четырех “измерениях”), и тогда познавательный процесс и соотношение субъект – объект уже не могут быть тривиально однозначными, соответственно, как мы привыкли, предмет, т.е. некая грань таким образом избираемого объекта, уже не столь скуп на информационный материал для установления значимых законов его развития, тогда и набор методов, их арсенал объективно становятся более многоплановыми, и они действительно эффективны и способны к самообновлению⁵.

Примерно в таком же состоянии оказалась современная теория права⁶, а вместе с ней и само

право⁷, о кризисе которого и кризисных явлениях в котором говорят и пишут последние десятилетия. И рецепт выхода, как видим, пока не найден, хотя есть определенные прорывные области, но перечень их все же ограничен. Зачастую, отмечая кризисное положение теории права, ссылаются на неэффективность методов и настойчиво призывают к обновлению методологии и проч. Но, как правило, это так и остается на уровне методологических дискуссий, и общий набор методов (традиционных) транслируется из одного исследования в другое, из одного издания в другое и т.д. А если даже и появляется где-нибудь упоминание какого-то нового метода (в перечне среди известных) (например, часто сегодня стала называться в качестве такой новации синергетика), то на поверку в ходе самого изыскания какого-либо предметного аспекта получается, что практически ничего не применяется и все продолжает характеризоваться на стандартном уровне.

В чем же здесь дело? Как представляется, именно в том, что предметная сфера вычленяется из того так называемого *объекта*, который таким образом сконструирован сознанием познающего субъекта (науки теории права), что ничего кроме тривиальных и одномерных суждений о таковом возникнуть, по сути, не способно, да и методология в каком-то своем обновленном качестве для такого объекта (и снятого с него предмета) просто не нужна, она оказывается бессмысленной, так как знание об упрощенном предмете может быть достигнуто и без привлечения таковой. Речь идет, конечно же, об устойчивой линии рассматривать в качестве объекта теории права собственно “право”, а в качестве предмета связанные с ним закономерности и т.п.⁸ Но этот феномен либо изначально приобретает некий абстрактный оттенок, что объективно не может обуславливать адекватную ему методологию и соответственно свой ряд оригинальных теоретических конструкций, либо

юридической науки. М., 2012; *Липень С. В.* Развитие теории государства и права в свете представлений науковедения и философии науки о динамике научного знания // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений / Отв. ред. А. А. Дорская. СПб., 2012. С. 49–62; и др.

⁷ См., например: *Власенко Н. А.* Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал рос. права. 2013. № 8. С. 43–54; *Его же.* Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2014.

⁸ См., например: *Марченко М. Н.* Теория государства и права. М., 1996. С. 5. Следует, правда, заметить, что уже на следующей странице автор использует словосочетание “государственно-правовая жизнь”. См. также: *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. М., 1998. С. 11; *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М., 2003. С. 15.

⁴ Понятие, выражающее специфику научного познания. См. об этом: *Микешина Л. А.* Философия познания. Полемические главы. М., 2002. С. 31.

⁵ В работе В. А. Лекторского при характеристике “генетической эпистемологии” Ж. Пиаже отмечается, что инвариантность знания об объекте по отношению к той или иной субъективной “перспективе” обеспечена реальным взаимодействием субъекта и объекта, связана с действием субъекта и вполне однозначно определяется собственными свойствами объекта, существующего объективно-реально. Иными словами, познавательный процесс – это всегда взаимодействие, эффективность которого зависит во многом от того, насколько верную познавательную модель избирает сам субъект, насколько его “взгляд” правильно настроен на изучаемый объект (см.: *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 35; см. также: *Его же.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 111).

⁶ О “непростом” состоянии современной юриспруденции см., например: *Керимов Д. А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001; *Демидов А. И.* О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 14–22; *Брызгалов А. И.* О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Гос. и право. 2004. № 4. С. 17–22; *Поцелуев Е. Л.* Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности? // Правоведение. 2004. № 2. С. 154–165; *Матузов Н. И.* О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 5–24; *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012; *Сырых В. М.* История и методология

разворачивается разными концепциями правопонимания до такого объема, что никакая методология оказывается неспособной унифицировать его содержание и проч. — происходит обесценивание и дезавуирование всего, что связано с теми или иными точками зрения о праве. Естественно, это потом отзывается на практике, которая к такому редукционизму (упрощенному взгляду) или, напротив, разногласию просто перестает прислушиваться, поскольку все равно ничего дельного из соответствующих теорий не вытекает. Схема такая: условно определенный объект — невнятно выделенный предмет — методологическая “пауза” (методологический “тупик”) — отсутствие теоретического и практически ориентированного эффекта.

Каков же выход? Он достаточно прост, с одной стороны, а с другой — довольно проблематичен (с учетом консерватизма и известной хаотичности, а также определенной неравномерности в процессах развития юридического знания). Это обновление понимания объектной сферы теории права⁹. От “юриспруденции предметов” наука должна осуществлять переход к “юриспруденции отношений”, которая, по справедливому замечанию Е. В. Спекторского, представляет собой двойной интерес, методологический и социальный. Смысл методологического интереса заключается в рассмотрении правовых явлений как предметов теории в отношениях между ними, в системе (*система здесь понимается более широко и многомерно, именно как совокупность разнообразных социальных отношений, обусловленных признаком “правового”* (курсив наш. — А. М., В. Т.))¹⁰. В качестве же объекта предлагается закрепить на уровне всеобщей парадигмы феномен **правовой жизни общества**¹¹ (и возможно, поскольку связь с государством неоспорима, — “государственно-правовая жизнь”)¹².

⁹ То, что это во многом зависит от субъекта познания, достаточно убедительно отметил М. ван Хук. По его мнению, «Право» — это то имя, которое люди решили дать определенным видам реальности. И в зависимости от исходного варианта теории права данная реальность будет (слегка) различаться» (см.: Хук М. ван. Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонов, А. В. Поляков. СПб., 2012. С. 27).

¹⁰ См.: Спекторский Е. В. Христианство и правовая культура // Русская философия права. Антология. СПб., 1999. С. 372.

¹¹ Кроме Е. В. Спекторского о правовой жизни общества как объекте теории права писали В. М. Хвостов, Л. И. Петражицкий, И. В. Михайловский, Г. Д. Гурвич и др. Из современных исследователей это подчеркивают С. З. Зиманов, Ю. Ю. Ветютнев, Д. В. Лопухов и др.

¹² Следует отметить, что поиск объектно-предметных рамок общей теории права ведется достаточно давно и наука периодически возвращается к этому вопросу на том или ином

Чем такой подход можно обосновать?

Во-первых, это отвечает характеристикам современного этапа развития научного (в том числе юридического) знания — постнеклассическому (если угодно — постмодернистскому, но в позитивном смысле этого понятия).

Во-вторых, благодаря такому расширению объектной сферы в познавательный процесс будут включены все явления, обрамляемые признаком правового, разнополюсные, разноуровневые, системные, несистемные и проч., а потому способные воспроизводить именно сущностные для мира права закономерности (предмет теории права), поскольку вне искомой объемности понять то, какова диалектика права (правовой жизни), просто невозможно.

В-третьих, представленный в таком виде объект юридической науки и ее фундаментальной основы — теории права способен “зарядить” всю современную методологию, предназначенную для исследования феномена, “сложного” в данном случае в праве.

Постараемся аргументировать эти три позиции более основательно.

Итак, *первый* блок вопросов — эволюция научного, в частности правового, знания и современный этап его развития. Чем он характеризуется? Каким должен представляться окружающий мир? Какими современное правовое знание призвано оперировать категориями и методологическими приемами?

Как известно, тип научного (в том числе научно-правового) мышления обуславливается типом рациональности, каждый из которых имеет характерные признаки. Все это определенным и довольно существенным образом влияет на содержание проводимых исследовательских процедур. При этом возникновение нового типа рациональности не уничтожает исторически предшествующих ему типов, но ограничивает поле их действия. Каждый новый тип научной рациональности вводит новую систему идеалов и норм познания. Соответственно,

этапе своей эволюции. См., например: Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989; Сырых В. М. Логические основания общей теории права. В 2-х т. Т. 1. Элементный состав. М., 2004. С. 43–127; Тарасов Н. Н. Объект и предмет юридической науки: подходы и методологические смыслы различия // Правоведение. 2010. № 1. С. 20–35; Честнов И. Л. Переосмысление предмета теории права с позиций постклассической эпистемологии // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений / Отв. ред. А. А. Дорская. С. 62–89; и др.

меняется категориальная сетка философских оснований науки. В одном случае — изменяется понимание вещи, процесса, пространства, времени, причин (онтологическая составляющая). Во многом вследствие этого меняется понимание знания, теории, факта, метода (гносеологическая составляющая)¹³.

Применительно к научному познанию выделяются три различных исторических типа рациональности: классический, неклассический и постнеклассический, — соответствующие трем основным этапам эволюции научного познания: классическому, неклассическому и постнеклассическому¹⁴.

Классификация этапов развития науки осуществляется не произвольно, а находясь под влиянием факторов эволюции естественнонаучного знания. Проникая в тайны природы, наука тем самым находит новые способы постижения и объяснения мира окружающих, в том числе социальных, явлений. Изменение типа научной рациональности происходит (по общему правилу) в эпоху глобальных научных революций, сопровождающихся сменой научных картин мира¹⁵.

Данная классификация представляется верной и применительно к развитию научно-юридического знания¹⁶, которое постепенно переходило в своей эволюции от одного этапа к другому, нередко сочетая на том или ином этапе своего развития характеристики известных типов рациональности, тем не менее, претерпевая определенные рубежные переходы и приобретая обновленный вид (от классики — через неклассику — к постнеклассике), что

выражается во многом в изменениях соответствующей категориальной сетки правопознавательного процесса (в частности, на фоне так называемых предельных правовых категорий: “механизм правового регулирования” (механистическая картина мира — классика), “правовая надстройка” (исторический материализм — роль объективных факторов, субъект как “зеркало” познания — классика (парадигма отражения)), “интуитивное право” (психологическая школа в праве как проявление неклассических научных оснований), “правовая система” (системный подход — классика с элементами постнеклассики), “правовая жизнь” — постнеклассика как синтез классики, неклассики и некоего нового качества познания, следующего из постнеклассического типа научной рациональности).

Последняя из названных категорий — “*правовая жизнь общества*” — соответствует современному (условно назовем его — постнеклассическому) этапу развития научного знания (правового знания)¹⁷. Рассматриваемый этап можно охарактеризовать следующими ключевыми признаками.

1. Исходное допущение того, что в качестве познаваемого объекта выступают сложные саморазвивающиеся системы (в “живой природе и обществе — это организмы, популяции, биогеоценозы, социальные объекты, рассмотренные как устойчиво воспроизводящиеся организованности”¹⁸).

2. Требование новой категориальной сетки познания, которая учитывала бы перманентное изменение целостного объекта, появление все новых и новых параметров порядка по мере его эволюции (во времени, в пространстве и проч.).

3. Понимание объектов как процессов взаимодействия, в ходе которого одни инварианты развития могут уступать место другим, а сам объект переходит во все новые и новые фазы, меняя свои количественные и качественные характеристики.

¹³ См.: *Осинов Г. В.* Научное познание в социальном измерении // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 76.

¹⁴ См.: *Степин В. С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Там же. 1989. № 10. С. 18.

¹⁵ См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003.

¹⁶ Здесь представляется допустимым несколько возразить попыткам упростить исходную периодизацию и свести ее лишь к двум этапам — *классическому* и *постклассическому*, так как видеть в современном этапе лишь продолжение неклассики и не замечать определенных различий, значит, в чем-то сознательно редуцировать процессы эволюции научного знания и тем самым предопределять возможно неверные выводы, вытекающие из подобного упрощенного подхода, хотя вопрос, безусловно, дискуссионный и требует отдельного рассмотрения. См., например: *Тимошина Е. В.* Классическое и постклассическое правопонимание как стили мышления // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. В 2-х т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / Под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб., 2014. С. 65, 66.

¹⁷ Следует отметить, что использование данной терминологической конструкции имело место еще в советской правовой науке. Так, С. С. Алексеев в своих произведениях указывал на возможность использования категории “*правовая жизнь*” (несколько отождествляя, правда, ее с понятием “правовая действительность”). В ней он видел обобщающее, синтетическое понятие, охватывающее правовые явления и в статичном, и в динамичном ракурсах, т.е. весь мир правовых явлений (см., например: *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 91).

¹⁸ *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 6.

4. “Эпистемологическим основанием всех этих трансформаций идеалов и норм науки выступает понимание научного познания как особого компонента культуры и социальной жизни, детерминированного ее базисными ценностями”¹⁹.

5. Расширение набора признаков, существенно характеризующих познающего субъекта (включая прежде всего такое свойство, как наличие ценностно-целевых ориентаций у самого субъекта познания в соотнесении их с социальными целями и ценностями²⁰). Иными словами, это способность не только мыслить рационально, избирая оптимальные пути решения каких-либо задач, но и осуществлять познавательно-преобразовательную деятельность, сопоставляя таковую непосредственно с человеком и с тем жизненным (культурным) контекстом, нередко выступающим объектом тех или иных преобразований.

Очевидно, именно правовая жизнь как объект юридического познания наиболее органично предполагает все вышеназванные основные характеристики современного типа рациональности: во-первых, ее сложность не подвергается сомнению (изменчива, состоит из множества уровней, двойственна (в смысле своей дихотомии и внутреннего деления на полюса положительного и отрицательного значения), плюралистична (в смысле множества источников и форм выражения) и проч.)²¹; во-вторых, данная категория как раз и может объективно выражать новую так называемую категориальную сетку познания (с новыми значениями правовых явлений, процессов и способов их познания); в-третьих, в отличие от государства и права как неких абстрактных и обезличенных феноменов, жизнь, правовая жизнь — это сфера (область) многочисленных взаимодействий и коммуникаций (стихия динамических социально-интерактивных правовых процессов); в-четвертых, данное видение объекта правового познания позволяет самой науке права “становиться” внутри жизненных процессов, а не оказываться лишь в роли стороннего наблюдателя;

в-пятых, жизненный контекст, выступающий в качестве объекта познания, не может не выстраивать по отношению к себе особый тип познающего субъекта, уже не мыслящего только рациональными схемами и пытающегося найти оптимальные варианты правовых решений (нередко игнорирующих человека и его жизненные стратегии), но предполагающего такового (человека, его жизненные интересы) в качестве безусловной ценности и высшего смысла правового бытия.

По мере вхождения в поле теоретической юриспруденции категория “правовая жизнь” стала претерпевать те или иные “волны” критических замечаний²². Но главным образом именно потому, что к ней начали применять мерки традиционного (классического) типа научного мышления, по сути, перекрывая тем самым процесс развертывания присущего категории “правовая жизнь” методологического потенциала, чем обусловлены определенные трудности процесса идентификации в системе теоретико-правовых понятий и категорий. Однако это категория иного порядка, иной познавательной перспективы, которая отвечает непосредственно современному постнеклассическому этапу развития научного знания в целом и научного юридического знания, в частности.

Неоправданным представляется обособление юридической науки в плане использования так называемой “жизненной стратегии” познания мира правовых явлений от иных областей гуманитарного знания. В политологии, экономике, этике уже приобрели соответствующий категориальный статус понятия политической жизни, экономической жизни, нравственной

²²См., например: *Баранов В. М.* Теневое право. Н. Новгород, 2002; *Матузов Н. И.* Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. А. В. Малько, Н. И. Матузова. Саратов, 2005. С. 9–38; *Брызгалов А. И.* Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал рос. права. 2001. № 6. С. 48; *Его же.* О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе. С. 20, 21; *Асланян Н. П.* Понятие гражданско-правовой реальности: постановка проблемы // Общество, политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 69–76; *Ее же.* Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской гос. экон. акад. 2012. № 5. С. 100–108; *Личман Б. В.* Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского ин-та экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 60–67; *Черных Е. Н.* Категория “правовая жизнь”: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8–15; и др.

¹⁹*Степин В. С.* Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Там же. 2012. № 5. С. 24.

²⁰См.: *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. С. 15.

²¹По определению А. Х. Гольмстена, наука права должна изучать “тот порядок, в котором происходит комбинация различных элементов юридической жизни” (см.: *Гольмстен А. Х.* Юридические исследования и статьи. СПб., 1894. С. 7).

жизни и т.п.²³ Эти сложные и многоаспектные понятия отражают соответствующие сложные явления в области политики, экономики, нравственности. Следует полагать, приход данных научных сфер к необходимости использования искомым понятий не был искусственным или в чем-то надуманным; вполне очевидно, это стало результатом определенных объективных процессов развития научного знания, тенденций его перехода на новые уровни (типы) рациональности²⁴.

Если это так, то почему правовая наука не принимает эти вполне простые данности и не становится на эти линии (тенденции) развития научного знания? Ведь вполне очевидны эвристические преимущества от подобного рода новаций. Эта новая категориальная матрица, каковой является понятие “правовая жизнь”, нисколько не размывает предмета юридического знания, а напротив, придает ему не только технический (юридико-догматический), но истинно социальный (социально-правовой) характер, каковой и должна быть правовая наука в своем предназначении. Так называемая “чистая” юриспруденция даже не пытается увидеть эти очевидные истины, но так или иначе вынуждена будет их признать, когда сама “жизнь” принудит это сделать (проявив в какой-то момент очередной разрыв “права в книгах” и “права в жизни”), обусловив необходимость обратить внимание на сложные социально-правовые процессы²⁵.

²³ См., например: *Лузан А. А.* Политическая жизнь общества: вопросы теории. Киев, 1989; *Борисенков А. А.* Политическая жизнь общества // Социально-политические науки. 1991. № 7; *Чудинова И. М.* Политическая жизнь // Социально-политический журнал. 1994. № 11–12; *Краснов Б. И.* Политическая жизнь общества и ее демократические параметры // Там же. 1995. № 4; *Анохин М. Г.* Политика и экономическая жизнь общества // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2012. № 2; *Стругалин П. И.* Социально-философский анализ экономической жизни общества. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2002; *Уледов А. К.* Духовная жизнь общества. М., 1980; *Нравственная жизнь человека: искания, позиции, поступки* / Редкол.: А. И. Титаренко (отв. ред.) и др. М., 1982; *Барулин В. С.* Социальная жизнь общества: вопросы методологии. М., 1987; и др.

²⁴ См.: *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. С. 5–17.

²⁵ Следует, правда, отметить, что в литературе постепенно проявляются точки зрения, которые по достоинству оценивают значение привносимой в науку права категории “правовая жизнь”. По мнению авторов, данный подход “примечателен в том смысле, что отражает тенденцию развития отечественной правовой мысли в направлении все большего расширения границ правовой действительности. Видимо, правовая мысль достигла в своем развитии такой точки (стадии, ступени и т.д.), когда требуется

Именно на данную сложность мира правовых явлений, их многообразии и противоречивости ориентирована исследовательская стратегия правовой жизни. Как верно отмечает К. В. Шундиков, “концепция правовой жизни бросает вызов проблеме сложности объекта юридической науки, по сути, является попыткой выработать более адекватный (по сравнению с ранее применяемыми) методологический алгоритм ее решения. Соответственно актуализируется и проблема поиска корреспондирующих сложности объекта поставленным научным задачам методологических программ”²⁶.

Так же как современная философия познания нуждается в обогащении понятийного аппарата в связи с расширением представлений о рациональности (при этом высказывается мнение о необязательности изобретения каких-либо новых терминов, достаточно признания правомерности использования уже и таких известных, как понятия интерсубъективности и коммуникации, *жизненного мира* и *жизни* (выделено нами. — А. М., В. Т.) в её небиологическом значении, что предполагает расширение сферы рационального, введение новых его типов и, соответственно, понятий и средств концептуализации, принципов перехода иррационального в рациональное²⁷), современная юриспруденция для себя должна решать эту актуальную задачу. Правовая наука — ее фундаментальная основа — общая теория права нуждается и в обновлении категориального аппарата, и в расширении границ познания мира правовых явлений во всем их многообразии, что позволит выявлять действительно инвариантные (устойчивые) знания об объекте — правовой жизни общества.

Б. А. Кистяковский справедливо не соглашался с теми, кто мог указать на то, что изучение права, существующего в жизни, а не записанного в законах, только затруднит исследователя, но ничего не даст нового в смысле познания права. Нет, именно потому, что “жизнь так богата,

включение в поле зрения исследователя общекультурных факторов”, что и предполагает концепция правовой жизни (см.: *Право и культура* / Под ред. Н. С. Соколовой. М., 2002. С. 66). О философском и методологическом значении понятия правовой жизни см. также: *Невважай И. Д.* История и философия науки. Учеб. пособие. В 2-х ч. Ч. 2. Философские проблемы социально-гуманитарных (юридических) наук. Саратов, 2012. С. 71–81; и др.

²⁶ *Шундиков К. В.* Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 111.

²⁷ См.: *Микешина Л. А.* Указ. соч. Гл. V. Эмпирический субъект и категория жизни. С. 193, 194.

многостороння и разнообразна..., она не может целиком подчиниться контролю закона и органов, наблюдающих за его исполнением... К тому же писаное право неподвижно, оно изменяется только спорадически, и для изменения его всякий раз требуется приводить в движение сложный механизм законодательной машины. Напротив, правовая жизнь состоит из непрерывного движения, в ней все постоянно изменяется, одни правовые отношения возникают, другие прекращаются и уничтожаются»²⁸. Г. Д. Гурвич, в свою очередь, отмечал: «Абстрактные юридические понятия оказываются совершенно неспособными охватить всю полноту турбулентного движения реальной правовой жизни с ее спонтанно возникающими и непредсказуемыми институтами»²⁹.

Второй заявленный тезис о правомерности определения в качестве объекта юриспруденции правовой жизни общества заключается в том, что здесь есть непосредственное комплексное сочетание всех сторон жизни, опосредованных правом (должного и сущего, положительных и отрицательных, системных и несистемных и проч.).

Одним из аргументов, который проводят оппоненты внедрения категории «правовая жизнь» в юридическую теорию, является то, что она не соответствует пониманию права как некоей области «должного», положительно правового. Так, Е. Н. Черных отмечает, что «стремление объять в одной категории весь известный мир права как специфическую форму жизни общества приводит к смешению познавательных стратегий и инструментов и, как следствие – к конструктивной и элементной несогласованности. Уже в самом названии категории «правовая жизнь», которая является синтезом Сущего – «жизнь» и Должного – «правовая», проявляется эклектичность ее конструкции в виде проблемы соединения двух онтологически разных и обычно противопоставляемых сфер: действительности фактической и области идеальной, нормативно-ценностной, что является результатом комбинации разных познавательных стратегий: социологической и нормативно-ценностной»³⁰.

Действительно, это «эклектика», но эклектика, определяемая жизнью. В ином случае, к чему же тогда (к какому объекту) применять искомое

«должное», если не к «сущему», и каким же образом можно обеспечить автономность того и другого? В конечном счете, кто сказал, что правовая жизнь может выражать только «должное», и кто опровергнет, что само «должное» не выражает некое «сущее», которое является его жизненно-бытийной основой, и что «должное» не способно проникать в материю жизни, становясь частью «сущего», в чем-то меняя его, в чем-то меняясь вместе с ним? Думается, тезисы кантианской критики теоретического разума, с которой связано отрицание (невозможность обнаружения) в «сущем» стандартов «должного»³¹, вряд ли здесь будут весомым аргументом, причем не только в вопросах рассуждения о правовой жизни как категории социолого-правового порядка (и в этом смысле составляющей объект и понятийный аппарат общей теории права), но и о праве как нормативно-ценностной субстанции, которая тем не менее не утрачивает свой социальный характер и потому должна рассматриваться лишь в связи с социальной жизнью. Строго догматический подход (в котором замечаются элементы субъективно-идеалистической философии), проводимый в данном случае критиками «правовой жизни», не дает возможности увидеть, что право в отрыве от жизни – это только «форма», закрытая для жизненного содержания³².

Полемизируя со сторонниками подобного одностороннего взгляда на правовую реальность, которая может складываться лишь из положительных, правомерных, правовых явлений, К. В. Шундинов в книге, посвященной синергетическому подходу в правоведении, способствующему анализу феномена «сложности» в праве, убедительно парирует сходные тезисы. В частности, автор справедливо

³¹ Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.

³² Отвечая подобным попыткам представить мир права как нечто лишь идеально-должное (правильное и проч.), Т. С. Лапина, вводя категорию «правовая жизнь» в философско-правовой контекст, справедливо отмечает: «Думается, сущность права, если иметь в виду правовую жизнь, противоречива, она одновременно есть единство и «соперничество» противоположностей: должного и реального. Эти противоположности предполагают друг друга и могут переходить одна в другую. Субъект деятельности и поведения исходит не только из тех феноменов, в которых зафиксировано *де-юре*, но также из явлений общественной жизни типа *де-факто*, которые могут и соответствовать должному, и расходиться с ним – иногда резко. Массовые расхождения реального с идеальным, порой вскрывающие как болевые точки общественного бытия, так и появление поведения нового типа, могут побудить субъектов творчества к разработке юридических новелл» (см.: Лапина Т. С. Право как объект философского осмысления // Философия и общество. 2013. № 2. С. 37).

²⁸ Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 206, 207.

²⁹ Гурвич Г. Д. Социология права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч. / Пер. с фр. М. В. Антонова; пер. с англ. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной; науч. ред. А. В. Поляков. СПб., 2004. С. 575.

³⁰ Черных Е. Н. Указ. соч. С. 9.

отмечает, что так рассматривать систему правового регулирования — «значит, не понимать его сложной природы и намеренно упрощать гносеологические и методологические задачи правовой науки, ведь целый ряд проблем (в частности, проблему формирования и функционирования права) невозможно ни поставить, ни исследовать, не выходя за рамки «строго правового» поля»³³.

То же касается и проблемы введения в спектр анализа негативных правовых явлений. Есть ли в научном обороте такая категория (предельным образом расширяющая область объекта правовых исследований), которая изначально предполагала бы их существование? Думается, что нет. Наиболее близко к понятию правовой жизни находятся понятия правовой формы, правовой системы, правовой действительности, правовой культуры. Несмотря на различия по объему, методологической направленности и другие характерные признаки, все эти понятия предполагают заданную нормативность, ограничиваются теми позитивно-правовыми критериями, за пределами которых — неправовая сфера, сфера отклонений от правовой нормы³⁴. Однако известно, что социальная жизнь характеризуется фактами не только следования позитивным социальным нормам, но и отступления от них. Как правило, именно эти отступления от социально-правовых норм и служат импульсом для последующего развития правовой системы, представляют собой проявления общественного прогресса. К тому же и основная часть правовой системы представляет собой «материализацию» социальных отклонений. Как верно отметил Н. Винер, «проблемы права... представляют собой проблемы упорядоченного и повторяющегося управления известными критическими состояниями»³⁵.

Действительно, правовые нормы всех трех видов, позволяющие (управомочивающие), обязывающие и запрещающие, ориентируют индивида, подсказывают ему разумные, оптимальные и одобряемые варианты поведения, тем самым они предотвращают хаос и иррациональность многих чисто «инструментальных» действий людей, а в более широком масштабе — вводят все общественные отношения в известное позитивное, социально полезное русло. Но в то же время если правовая норма снабжена санкцией, то это значит, что она предполагает возможность нарушения в такой же степени, в какой и ее

соблюдение. Более того, сам факт описания в норме прав и обязанностей различных лиц, а также существование особых процессуальных норм, регулирующих помимо прочего порядок защиты права, оспаривания или притязания, склоняет к мысли о «конфликтном» предназначении нормы³⁶. Значит, не было бы критических состояний — не было бы и нужды в общеобязательных правилах поведения. К какой же сфере в таком случае отнести сами эти «критические состояния» — к «правовой» или к «неправовой»? В последнем случае мы пришли бы к явному противоречию — неправовое содержание составляет основную часть правовых норм. Поэтому необходимо признать (основываясь также на данном аргументе) важность включения в понятийный аппарат правовой науки дополнительной категории, которая предполагала бы не только правовое, положительное, рациональное начало (этому соответствует категория правовой системы), но и неправовое, отрицательное, иррациональное (как раз такому комплексному сочетанию позитивных и негативных начал и соответствует категория правовой жизни).

Если признать, что правовое поле кончается там, где «простирается другая, неправовая жизнь, в том числе противоправная»³⁷, где начинаются нарушения, криминал, общественно осуждаемая деятельность и т.п., то возникает повод задуматься: а каково главное социальное предназначение права, зачем нужны нормы права, законы и все иные правовые акты, в чем их социальный, юридический смысл, общественная ценность? Разве только в том, чтобы регулировать одобряемые обществом отношения? Очевидно, что это не так. Право отражает в своих формах не только социальный позитив, но вынужденно вбирает и негатив, реагируя на него соответствующим инструментарием (запретами, санкциями и т.п.).

В целом при условии перестройки субъект-объектной парадигмы юриспруденции в рамках концептуальных параметров правовой жизни процесс познания права приобретает комплексный характер, позволяет охватить весь спектр первоначальных и производных, статических и динамических, нормативных и ненормативных, положительных и отрицательных, правомерных и противоправных, организованных и неорганизованных, материальных и духовных правовых явлений, искусственно моделируемых и естественно воспроизводимых,

³³ Шундигов К. В. Указ. соч. С. 44.

³⁴ См., например: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 112, 113 (Глава 4. Право и правовая система).

³⁵ Винер Н. Кибернетика и общество. Творец и робот. М., 2003. С. 104.

³⁶ См.: Кудрявцев Ю. В. Действие социальной нормы // Социальные отклонения. М., 1989. С. 88.

³⁷ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. С. 112.

объединить их в единый комплекс, показать их как “сумму” правовой жизни³⁸.

Недооценка этого “жизненного” многообразия и есть, пожалуй, то главное познавательное “препятствие”, которое выступает в качестве “тормоза” на пути развития правовой науки. Поэтому так важно “вернуть онтологическую укорененность познания вообще и науки, в частности”, обеспечить вхождение “науки в контекст жизни”, переместить центр тяжести из области теории в сферу жизненной практики³⁹, начало которому, по замечанию С. А. Аскольдова, положил еще И. Кант⁴⁰.

Таким образом, закладывая в фундамент познания мира правовых явлений категорию жизни или жизненного мира (феноменологическая традиция), обозначающей объект теоретической юриспруденции, можно будет осуществить попытку построения целостного видения этого мира, в основе которого находится жизнь (правовая жизнь). По мысли Г. Риккерта, философия жизни обладает всем необходимым, чтобы стать целостным учением, так как жизнь является “принципом мирового целого”, что позволяет разрабатывать проблемы не только бытия, но и ценностей. Философия жизни главное свое преимущество видит в “антисистематическом устремлении”. “Система ведь, во всяком случае, есть нечто неподвижное, затвердевшее, застывшее, а потому чужда и даже враждебна постоянно текущей и стремящейся жизни. Итак, философ не должен мыслить систематически в старом смысле. Понимая мир как Всё – Жизнь, он должен вместе с тем видеть, что он не умещается ни в какую систему”⁴¹.

Конечно, нет необходимости быть столь категоричными и следовать за философией жизни в ее “антисистематических устремлениях”. Однако в качестве “исходного допущения” следует осуществить постановку проблемы жизни как онтологического основания духовной и социальной реальности в центр современной юридической науки. Правовая жизнь может быть рассмотрена как то всеобщее, что обуславливает и объединяет все прочие правовые феномены в единый комплекс (употребляя термин “комплекс”, целесообразным представляется применение “стоящего” за ним “комплексного подхода”,

используемого, как правило, в дополнение к “системному подходу”⁴²).

Во многом дискуссионный фон вокруг научного статуса правовой жизни общества возник потому, что данное понятие стало претендовать на то, на что претендовало до недавнего времени понятие “правовая система” – быть предельно широкой категорией, охватывающей собой все юридические явления. Так, Н. И. Матузов в этой связи отмечает, что «в последнее время некоторые правоведы предлагают наряду с устоявшейся и общепринятой у нас и за рубежом категорией “правовая система” (предельно широкой, собирательной, многоэлементной) ввести в юридический лексикон как бы параллельное, но еще более объемное, по их мнению, понятие – “правовая жизнь”»⁴³.

Вместе с тем необходимо заметить, что данные категории не следует рассматривать как параллельные или однопорядковые. Думается, малопродуктивно включение в рамки правовой системы несистемных явлений, которые могут иметь признак “правового”, поскольку прямо относятся к праву, но противоречат ему: правовой вакуум, правовой хаос, правовое отчуждение и проч., т.е. всего того, что выпадает из системных связей, нарушает эти связи, но не исчезает из самой жизни общества. Будет ли готова категория “правовая система” охватить все эти несистемные проявления, даже если усиленно расширять ее теоретические и методологические рамки (поскольку, следует признать, системный подход не исключает в том числе и негативные явления, и явление “энтропии” в системе как некие проявления системности и системных механизмов)⁴⁴ Однако воспримет ли доктрина правовой системы эти аспекты (это также вопрос), да и необходимо ли это?⁴⁵

Правовая жизнь, включая в себя правовую систему, интегрирует как статические, так и динамические процессы, осуществляемые

⁴² Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: социальная системология. М., 2003. С. 330, 331.

⁴³ Матузов Н. И. Правовая жизнь как объект научного исследования. С. 11.

⁴⁴ См.: Попков В. В. Двойственность: концепция и структура познавательной модели // Системный подход в современной науке. М., 2004. С. 235, 236.

⁴⁵ См. также: Трофимов В. В. Правовая система и правовая жизнь как способы познания юридических явлений // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. А. В. Малько, Н. И. Матузова. С. 123–148; Его же. О методологическом потенциале категорий “правовая жизнь” и “правовая система” // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2 (23). С. 20–31; Малько А. В. Правовая система и правовая жизнь общества: проблема соотношения конкурирующих понятий // Там же. 2014. № 2. С. 8–16.

³⁸ Это понятие, которое позволяет “гораздо объемнее взглянуть на правовую действительность как позитивного, так и негативного плана” (см.: Малько А. В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 40).

³⁹ См.: Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 479.

⁴⁰ См.: Аскольдов С. А. Философия и жизнь // Проблемы идеализма. Сб. ст. [1902]. М., 2002. С. 459.

⁴¹ Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 284, 285.

в юридической сфере, содержит не только системные, но и несистемные сегменты. Верно замечено, что “правовая жизнь является процессом, действительностью в ее динамике, всегда завершающейся, рано или поздно, кристаллизацией правоотношений или их разрушением... в противоположность понятию правовой жизни понятие правовой системы характеризует общество с точки зрения одной из его структур как продукта кристаллизации общественных процессов”⁴⁶.

Если в продолжение этого говорить о методологической стороне рассматриваемого вопроса (*третий* опорный ранее высказанный тезис), то можно отметить, что жизненная стратегия познания мира права способна оптимизировать существующий методологический аппарат современной общей теории права (от философского уровня до уровня эмпирического (конкретно-социологического)). И главное – дополнить системный подход (как наиболее востребованный юридической наукой) иными не менее эффективными подходами: комплексным, синергетическим, коммуникативным, социально-интерактивным и проч.

Так, по признанию представителей современной системной социальной теории (социальной системологии), “одного только системного подхода недостаточно для изучения социальных объектов. В исследовательской практике он используется вместе с другим подходом – комплексным изучением социальных явлений и процессов”⁴⁷.

Уступая пальму первенства там, где речь идет о целостных образованиях (государствах, регионах, организациях), комплексный подход выходит на первый план, когда речь идет о взаимоотношениях систем и несистемных объектов, оказывается более эффективным средством при изучении неорганизованных совокупностей, при исследовании отношений “идеального” и “реального”, “внешнего” (экстернального) и “внутреннего” (интернального), “системы” и “среды”, естественного и искусственного, деятельностного и структурного, институционального и неинституционального и т.д.⁴⁸

Системная методология, по мнению Л. Б. Тиуновой, позволяет обратить внимание исследователя главным образом на целостно-элементарный внутренний и внешний срез сложных объектов. «Синтез, осуществляемый системным подходом,

никогда не претендует на степень законченности, которая характерна для исследований классического типа. Для системных исследований гораздо более важна идея организованности “жизни” системы – ее рождения, становления, развития и умирания – идея гибкости, простоты и сменяемости моделей и представлений»⁴⁹. “Из этого следует, – заключает она, – что системная методология не может обеспечить сама по себе законченного знания, а следовательно, характеризуется лишь относительной научной достаточностью”⁵⁰.

В силу этих и целого ряда иных причин категория правовой системы, выражающая методологический потенциал системного подхода, не справляется с соответствующей познавательной нагрузкой, не будучи способна, по сути, вместить в себя всевозможные проявления права, в том числе негативные, неформализованные, иными словами, “несистемные”. К выполнению этой задачи призвана категория “правовая жизнь”. Правовая жизнь – это именно совокупность всех форм юридического бытия общества, а не система, так как она включает в себя и неупорядоченные процессы (негосподствующую правовую идеологию, правовые отклонения, правонарушения и проч.).

В методологическом плане “правовая жизнь” как объект исследования обеспечит для юридической науки, на наш взгляд, “конвенциональное”⁵¹ раскрытие потенциала *метасистемного* подхода, который способен объединить различные виды знания: предметное или конкретно-эмпирическое, где за начало берется “непосредственное, внешнее, единичное” в праве⁵²; системное, где происходит выведение анализа права на более широкую орбиту и предполагается рассмотрение права на различных уровнях (право в системе общества, правовая система как целостность социальных правовых явлений, система объективного права)⁵³; комплексное, которое формируется на основе многоаспектного или многомерного представления и моделирования правовых объектов

⁴⁹ Цит. по: *Гвишиани Д. М.* Теоретико-методологические основания системных исследований и разработка проблем глобального развития // Системные исследования. Сб. ст. М., 1982. С. 14.

⁵⁰ *Тиунова Л. Б.* Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 11.

⁵¹ “Конвенциональность как главный на сегодняшний день критерий научности вытекает из онтологической и гносеологической конвенциональности...” (см.: *Честнов И. Л.* Актуальные проблемы теории государства и права. СПб., 2004. С. 19).

⁵² См.: *Тиунова Л. Б.* Указ. соч. С. 11.

⁵³ См.: там же. С. 19.

⁴⁶ *Малахов В. П., Эриашвили Н. Д.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 76.

⁴⁷ *Резник Ю. М.* Указ. соч. С. 330.

⁴⁸ См.: там же.

познания как системных, так и несистемных⁵⁴. Правовую жизнь следует рассматривать как интегрированный объект общей теории права, как “правовую метасистему”.

Последовательное проведение подхода, ориентированного на исследование в качестве объекта правовой жизни, будет способствовать преобразованию многих исследовательских параметров, позволит учитывать не только “видимую часть”, но и глубинную, которая ускользает от исследовательского взора. Полная картина правовой жизни не может быть представлена только через знание о формально установленных правовых актах, об имеющихся правовых взглядах, о результатах действия механизма реализации права. Это лишь вершина айсберга, та видимая часть, характеризующаяся признаками “формально определенного”, “положительного”, “рационального”, “контролируемого”. Но есть и другая, глубинная часть правовой жизни, которая часто ускользает от взгляда исследователя: неформальное, негативное, нерациональное, неконтролируемое.

Правовая жизнь как концептуальная основа юриспруденции будет ориентировать на более полное и всеохватное изучение аспектов функционирования правовой организации общества в целом и ее отдельных элементов через призму их социальной обусловленности и социальной эффективности (ценности). *Правовая жизнь — это совокупность всех форм юридического бытия общества, выражающаяся в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), характеризующая специфику и уровень существующей юридической действительности, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов.*

Конструкция правовой жизни с точки зрения ее методологических возможностей как никакая другая способна выразить одно из основных диалектических свойств окружающего мира, в данном случае – мира правовых явлений – свойство двойственности (амбивалентности, полярности, единства и борьбы противоположностей и т.п.). Именно искомая связь разных полюсов изучаемых явлений (отражающих их категорий) позволяет максимально достоверно изучить их природу, поскольку (и к этому философы пришли достаточно давно) “категории”, “если они разорваны и между собой не связаны,

оказываются почти бессмысленными и трудно поддаются определению и объяснению”⁵⁵.

Заключенный же в концепции правовой жизни методологический прием позволяет объединить и формальную, и содержательную стороны права, показать процессы возникновения, развития и исчезновения правовых форм в параллели с самой правовой “жизнью – источником формообразования” (Г. Зиммель). Это дает возможность видеть не только эффект мононаправленности права на достижение закрепленного в норме результата (правовой цели), но и процесс реагирования правовой формы на перманентно меняющиеся условия социальной среды. В развитии правовых форм “мы познаем параллель жизни и права...”⁵⁶.

Именно правовая жизнь, на наш взгляд, как феномен социальной реальности, самодостаточный в силу своей автономности от субъективных факторов, саморазвивающийся в силу внутренних причин, преобразующих позитивное право в эффективный инструмент правового воздействия, устанавливает необходимые коммуникационные связи между самими социальными субъектами, а также между социальными субъектами и правовой нормой (что открывает возможности для применения коммуникативного, социально-интерактивного подходов, получающих разработку в современной общей теории права⁵⁷). Правовая жизнь, заключая в себе объективные предпосылки комплексного взаимодействия “субъект – объект-субъектного” характера, обеспечивает диалог естественного права и права как элемента ноосферы (искусственно моделируемого права), которые, взаимопроникая друг в друга,

⁵⁵ Ганев И. Теория диалектики и теория научного познания (§ 2) // Диалектика, познание, наука / Отв. ред. В. А. Лекторский, В. С. Тютин. М., 1988. С. 34. Как замечает по этому вопросу в своей работе болгарский ученый И. Ганев: “Очевидно, сама стихийная диалектика, столь властно владевшая умами древних, вынудила античную философскую мысль еще на ранних этапах своего возникновения сформулировать на категориальном уровне противоположные характеристики бытия” (см.: там же).

⁵⁶ Тённис Ф. Общность и общество. СПб., 2002. С. 295.

⁵⁷ См.: Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43; Его же. Коммуникативное правопонимание. Избр. труды. СПб., 2014; Трофимов В. В. Социально-интерактивные закономерности права: проблемы теории и методологии // Правоведение. 2014. № 5. С. 94–113; Его же. Социально-интерактивные закономерности права: проблемы теории и методологии // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. В 2-х т. Т. 2. Актуальные проблемы философии права и юридической науки в связи с коммуникативной теорией права / Под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова. СПб., 2014. С. 280–305.

⁵⁴ См.: Резник Ю. М. Указ. соч. С. 324.

и представляют собой условия существования социальной жизни на основах права.

Таким образом, правовая жизнь может быть рассмотрена как своеобразная “метасистема” или система более высокого уровня, в структурных связях с которой действующая структура права как элемента ноосферы в единстве его конкретных (правоотношение) и абстрактных (нормы права и правосознание) форм находит источник своего развития, модернизации, приспособления к меняющимся условиям социальной жизни. Этот процесс имеет непрерывный характер, идущий в соответствии с постоянным процессом воспроизводства права и перманентным процессом правового взаимодействия субъектов правовой жизни, как имеющих правовой статус, так и приобретающих его в результате социально-активных правовых действий. Правовая жизнь, способная к саморазвертыванию, всегда сама ограничивает себя в самостоятельных, созданных ею формах и в этом ограничении себя существует. Жизнь, по Г. Зиммелю, сама по себе дуалистична: “Одновременно неизменна и изменчива, навсегда запечатлена и развивается, оформлена и развивает форму, связана и свободна”⁵⁸. Поэтому правопознавательная стратегия изначально должна быть нацелена не только на абстрактные и конкретные правовые формы или их позитивную систему, а также на “жизненный мир” права (Ю. Хабермас), на всю сумму правовых явлений, которые “несут на себе те или иные черты и свойства права, оказываются его формами выражения, осуществления, действия”⁵⁹. Правовая жизнь со всеми ее противоречиями (внутренними противоположностями)⁶⁰ — это та среда, в которой и формируется (развивается) правовая система.

⁵⁸ Зиммель Г. Созерцание жизни // Зиммель Г. Избранное. В 2-х т. Т. 2. М., 1996. С. 16 (цит. по: История философии права / Под ред. Д. А. Керимова. СПб., 1998. С. 307).

⁵⁹ Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 81.

⁶⁰ Верным представляется мнение, высказанное отечественными философами на рубеже 80–90 годов XX в.: “Смысл любой концепции развития раскрывается через понимание его источников. Если это саморазвитие, то его

Констатация наличия “системного” и “жизненного” уровней, позитивного и негативного, формального и неформального в праве, образующих единый комплекс правовой жизни, должна стать тем “исходным допущением” современной правовой науки и ее фундаментальной основы — теории права. И в этом случае, «если берётся за основание предмета общей теории права “организация правовой жизни общества..”, то концептуальные выводы и положения общей теории права будут теориями функционирования правовых требований не в правовой системе, а в системе социальной жизни общества»⁶¹.

Важная роль правовой науки проявляется в том, чтобы давать ответы на “непосредственные вопросы жизни”. Ее основная цель — удовлетворить стремление людей “по возможности расширить свое знание, придать ему характер общности, так, чтобы всякий вопрос, выдвигаемый жизнью, находил себе надлежащее освещение и удовлетворяющее решение”, поскольку “для жизни — эту цель никогда не должна терять из виду живая наука — отрывочное знание непригодно”⁶².

Концептуальная линия данного подхода к определению объекта юриспруденции расширяет горизонты рассмотрения правовых проблем, преобразует исследовательские параметры, предлагая возможность учитывать то, что ранее оставалось за рамками научно-юридического контекста. В современной общей теории права теоретико-методологический ресурс такого познавательного подхода вполне очевиден, прежде всего важен с целью придания самой науке права предметного характера и ориентированного непосредственно на проблемы и сложности социально-правовой жизни России и мира.

источниками будут *противоречия* (выделено нами. — А. М., В. Т.)” (см.: Меркулов И. П., Черткова Е. Л. Развитие знания как процесс возникновения и разрешения противоречий // Диалектика, познание, наука / Отв. ред. В. А. Лекторский, В. С. Тютин. С. 154).

⁶¹ Зиманов С. З. Место общей теории права в советском правоведении // Сов. гос. и право. 1984. № 4. С. 16.

⁶² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 19.